многочисленных факторов. Одним из основных структурообразующих факторов создания единой авторской концепции в книге является особый тип лирического субъекта – образ лирического героя, речь о котором пойдет далее.

Книга стихов «Золотые дожди Сергеляха» является полноценной авторской, «первичной», политематической, многосоставной, моносубъектной структурой, которая носит системно-целостный, итоговый, контекстовый характер и может представлять лирическую систему автора как самостоятельное суверенное художественное образование. Данное издание может быть представлено в качестве наиболее полной «итоговой» проекции лирической системы автора. При компоновке и расстановке художественных произведений в книге Сем. Данилов придерживается проблемно-тематического и идейно-смыслового аспекта. Авторский (не редакторский, не читательский) характер отбора и расстановки текстов, продиктован замыслом создания «итоговой» книги стихов, книги-завещания [2]. Композиция книги изначально подчиняется авторскому замыслу, т.е. само построение книги не случайно. Прежде всего, это мотивировано стремлением скомпоновать и включить в контекст книги стихотворения, системно-лейтмотивная природа которых, основывается на единой авторской концепции, связанной с подведением итогов, осмыслением прожитого и пережитого. Данный принцип является основным при оформлении художественной целостности книги «Золотые дожди Сергеляха».

Взаимодействие различных жанровых начал в издании (элегии, стихотворения посвящения, путевые заметки, цикл) создает разные смысловые оттенки в динамике книги, что основано на развитии единой лирической мысли и полижанрового мышления поэта. Значительное место в жанровом аспекте отводится элегическому модусу. Контаминация различных мотивов, связанных с завершающим этапом жизни лирического героя, с естественными переживаниями о тленности, бренности человеческой жизни обуславливает превалирование элегических переживаний в лирике поэта и мотивирует раскрытие философских рассуждений дидактического характера. Кроме жанровой однородности, цельности мотивного комплекса, речевого плана ключевым составляющим, служащим в качестве основного структурообразующего начала способного «скрепить» отдельные произведения в книге стихов является особый тип лирического субъекта – образ лирического героя. В лирической поэзии Сем. Данилова по преимуществу превалирует моносубъектный уровень выражения авторского сознания, с доминированием единичной формы лирического героя. Полисубъектность авторского мировидения в его поэзии выражается в упрощенной форме ролевого «я» и лирического «мы». Функционирование разнообразных форм выражения индивидуально-авторского сознания (типов лирического субъекта) в лирике автора не наблюдается.

1. Данилов С.П. Сэргэлээххэ көмүс ардах: Хоһоон кинигэтэ. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 216 с.
2. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. Омск: Омск. го. Ун-т, 2004. 339 с.

Кандыбина А.В.

Семантические особенности русских и чешских паремий в контексте лингвокультурной антиномии «счастье-несчастье»

*ФГАОУ «Волгоградский государственный университет»
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-232

idsp: ljjournal-12-2020-232

Аннотация

В настоящей работе представлена характеристика паремий русского и чешского языков в рамках антиномии «счастье-несчастье». Описаны семантические особенности

паремичных единиц с основным компонентом «образ животного». Установлены сходства и различия в репрезентации названной антиномии в семантике народных изречений русского и чешского языков.

Ключевые слова: антиномия, счастье / несчастье, паремия, лингвокультурология.

Abstract

This work presents the characteristics of the Russian and Czech language paremias within the antinomy of happiness-unhappiness. The semantic peculiarities of paremic units with the main component «animal image» are described. The similarities and differences in the representation of the antinomy in the semantics of folk sayings of Russian and Czech languages were established.

Key words: antinomy, happiness/ unhappiness, paroemia, cultural linguistics.

Период конца 20 - начала 21 века следует считать важным этапом в истории лингвистики. В контексте социально-экономических, политических и культурных изменений, вызванных историческими событиями и особенностями развития общества, происходит переосмысление подходов и методов научного исследования. Особенно интенсивно реагирует на меняющиеся условия языковая система, характеризующаяся открытостью. Как замечает Н.Н. Трошина, «будучи универсальным средством коммуникации, язык отражает изменения во всех сферах жизни» [Трошина 2011, с.25]. В связи с этим многие языковедческие дисциплины стремятся расширить объект и предмет изучения и найти новые перспективные области знания. Именно в настоящее время активно развиваются междисциплинарные лингвистические направления, позволяющие проследить наметившуюся тенденцию к взаимопроникновению языкознания и других наук: «лингвистика конца 20 – начала 21 в. уверенно идет по пути от «чистой», «имманентной» лингвистики к открытой для внешних влияний лингвистике...» [Сабитова 2012, с. 347]. К такого рода пограничным направлениям принято относить лингвокультурологию, которая образуется на стыке лингвистики и культуры и рассматривает язык во взаимосвязи с историей и менталитетом того или иного народа.

Каждый этнос является обладателем специфического мировосприятия и собственной ментальности. Мыслительные парадигмы, отношение к действительности, представления об устройстве человеческого бытия не могут носить строго индивидуальный характер. Личность формируется путем социализации, в процессе которой усваивается накопленный обществом опыт, в том числе и языковой. Как утверждает Д.В. Полежаев, «важнейшей основой функционирования языка является социум; глубинной основой последнего выступает менталитет». Кроме того, язык и менталитет поддаются взаимовлиянию [Полежаев 2009 с.58]. На основании этого можно сформировать своеобразный лингвистический треугольник, составляющий основу лингвокультурологии:

В нашем понимании менталитет репрезентирует культурные и духовные воззрения народа, сложившиеся в процессе исторического развития и передающиеся от предыдущего поколения к последующему. Соответственно языковая система, используемая обществом не только в качестве средства общения в синхронном

аспекте, но и в качестве проводника в диахронических рамках, вбирает в себя национальные представления о мироустройстве.

Выбор языковых единиц, которые наиболее полно отражают народный менталитет, основывается на степени приближенности к носителям языка и частотности употребления в речи. К подобным элементам относятся паремии, которые в общепринятой трактовке предстают как небольшие по объему высказывания поучительного характера, используемые в конкретной речевой ситуации в качестве средства воздействия на собеседника. Помимо этого, они представляют собой составную часть фольклора любого этноса и обладают длительной историей функционирования в языке. В связи с этим сравнительный анализ паремичных единиц, относящихся к разным языковым системам, позволяет на контрасте увидеть специфичность взглядов и представлений разных этносов на одинаковые явления окружающей реальности. Особенно ярко данный процесс проявляется при исследовании родственных языков. Это можно объяснить стремлением учёных выявить общее и специфическое в языковой картине мира народов, имеющих общие корни. Как отмечает В.М. Мокиенко, «если по каждому славянскому языку мы получим подобные своды национальной паремиологии, то многие аспекты исследования паремиологии станут на надежную основу и мы сможем наконец объективно отделить национальное от интернационального, европейское от «чисто» славянского, индивидуальное от общего» [Мокиенко 2010, с. 9].

В качестве опорных конструкций при изучении паремий активно используются универсальные антиномии, которые позволяют выявить наиболее значимые для представителей данного народа убеждения и идеалы, зафиксированные языком: «в народном творчестве (в частности, в малых фольклорных жанрах) антиномичность мировосприятия отразилась с исключительной яркостью» [Грузберг 2003, с. 2]. Пословицы и поговорки любого языка как представители паремичного фонда на протяжении длительного времени впитывали в свою семантическую структуру образы и смыслы, основанные на базовых противопоставлениях.

В данной работе предметом рассмотрения стали семантические особенности паремий, относящихся к универсальной антиномии «счастье-несчастье». Внутреннее ощущение удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью, присутствие/отсутствие чувства гармонии с миром формируют понятие счастья, являющееся общечеловеческим.

Антиномия «счастье–несчастье» широко представлена в языковых культурах различных народов, в том числе русского и чешского. В словаре русского языка Академии наук СССР под редакцией А.П. Евгеньевой *счастье* понимается как «состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости»; *несчастье* в свою очередь трактуется как «тяжелое событие, тяжелое положение; горе, беда, бедствие» [Евгеньева 1981–1984, с. 409, с. 611]. Следовательно, *счастье* является главным составляющим внутреннего и внешнего спокойствия людей; основной целью, к которой стремится каждый человек. *Несчастье* подразумевает под собой событие, поступающее из внешнего мира и влекущее за собой негативные последствия для физического, морального или материального состояния человека. Рассматриваемые понятия в семантическом отношении имеют связь с предметами и явлениями окружающей действительности, а также духовно-нравственными ориентирами народа.

В семантическом отношении среди паремий распространены единицы с основным смысловым компонентом «образ животного». По мнению Г.А. Волохиной и С.А. Гостеевой, «в русском национальном обществе сформировалась целая серия пословиц и других народных изречений с образами животных, которые больше говорят именно о человеке, чем о животном» [Волохина, Гостеева 2016, с. 7]. Круг животных,

которые фигурируют в паремиях русского языка, определяется особенностями фауны территории, с древности заселенной русским народом. В рамках антиномии «счастье-несчастье» можно выделить четыре группы живых существ: птицы, домашние животные, дикие звери и рыбы. Лексемы *гусь*, *ворона*, *петух* активно используются в семантике пословиц и поговорок. Например, *паремия с него всякая беда, как с гуся вода* применяется по отношению к человеку, наделенному везением. Такое «счастье» сравнивается со способностью гуся выходить сухим из воды, обусловленной особенностями строения перьев. Следовательно, эта птица в русской лингвокультуре ассоциируется с положительными качествами человека, приводящими к счастью.

В пословице *попался, как ворона в суп* значение основывается на таких основных качествах вороны, как неосторожность и любопытство, которые приводят к неприятным последствиям; вовлекают в непредвиденные ситуации, поэтому ворона является символом несчастья. Встречаются случаи противопоставления чужого счастья и своего несчастья, выраженные через благополучие домашней птицы: *чужие петухи поют, а на наших типун напал*. В данном случае петух представляет собой распространенную в хозяйстве русского человека птицу, которая обладает звонким голосом. Внимание акцентируется на характерной черте петуха.

Группа домашних животных представлена лексемами *кобылка* (*кобыла*), *свинья*, *конь*, *поросята*. Это связано с высокой ролью данных животных в хозяйственной деятельности человека. Например, пословицы *кобылка есть – хомута нет, хомут добыл – кобылка ушла* и *держалась кобыла за оглобли, да упала* характеризуют животное как приспособленное к тяжелому физическому труду. Однако по отношению к человеку употребляются в значении неудачи в каком-либо деле, его чрезмерной длительности. Проблемы, препятствующие выполнению сельскохозяйственных работ, в русском сознании приравниваются к несчастью, которое может навредить человеку. Схожую семантику имеет паремия *не год поросяткам, все полосаты*. Прибавление поголовья скота является важным этапом в животноводстве, поэтому отмечается высокое внимание к новорожденным животным, недостатки которых имеют отрицательное влияние на хозяйственную деятельность людей. В связи с этим рассматриваемая пословица употребляется по отношению к человеку, у которого происходят неудачи друг за другом на протяжении длительного времени.

Иное значение прослеживается в паремии *ему, как свинье, век на небо не глядеть*, где употребляется образ свиньи. В русской языковой культуре данное домашнее животное характеризует такие качества, как безамбициозность, лень, пассивность. Поэтому несчастье человека, к которому применяется названная пословица, связано с его собственным нежеланием изменить ситуацию, в которой он находится. Кроме того, следует выделить случаи, когда лексема *счастье* употребляется вместе с образом животного: *счастье не конь – хомута не наденешь*. В таких случаях наблюдается тесное взаимодействия значений; проявляется абстрактность счастья; подтверждается, что человеку нужно приложить немало усилий, чтобы быть счастливым.

Образы диких зверей всегда активно употребляются в народных изречениях. Лексемы *волк*, *медведь*, *олень* обычно обладают отрицательной семантикой, так как эти животные представляют опасность для человека. В паремиях они могут как сочетаться с лексемой *счастье*, так и употребляться самостоятельно. Например, пословица *от волка бежал, да на медведя попал* описывает такую степень несчастья, при которой человек минует одну беду, но сталкивается с другой, более опасной. Встречаются паремии, которые показывают трудность удержания счастья после его обретения: *счастье, что волк: обманет да в лес уйдет*; тщетность попыток человека стать счастливым: *хочешь оленя за рога поймать – а он в лес*. Помимо этого, в семантике пословиц и поговорок могут употребляться образы живых существ (в том числе рыб),

пугающие человека не характером поведения, а особенностями покрова: *что ни хватъ, то ери да еж*. Иголки на теле ежа и шипы на чешуе ерша одинаково препятствуют безболезненному контакту с кожей человека, поэтому употребление данной поговорки обусловлено ситуацией безальтернативного выбора: с чем бы человек не предпочел остаться – он окажется несчастным.

В чешской лингвокультуре паремии с семантическим ядром "образ животного" также занимают важное место. Наряду с птицами и домашними животными встречается такая группа живых существ, как насекомые. Например, паремия *moucha, která rychle letí, hůře uštipne* (муха, которая быстро летает, хуже кусает) содержит образ мухи, при помощи которого происходит перенос свойств насекомого на человека. Следовательно, значение данной пословицы сводится к тому, что люди не могут быть успешными во всех сферах жизнедеятельности; удача в одной области уравновешивается неудачей в другой.

Из домашних животных активно употребляется образ коня, который может прямо и косвенно соотноситься с представлениями о счастье–несчастье. Так, в паремии *šťastní na koních skáčí, a nešťastný pěšky se vláčí* (счастливый на коне скачет, а несчастный пешком идет) к счастливому причисляют человека, у которого есть конь. Это объясняется историческим развитием чешского народа: бедный человек никогда не мог позволить себе стать обладателем такого ценного в хозяйственном отношении вида животного. О косвенном использовании образа коня говорит пословица *svůj osud koněm neobjedeš* (свою судьбу конем не объедешь). В рассматриваемом случае конь прямо не относится к счастью или несчастью. Здесь речь идет о невозможности человека изменить свою судьбу, которая определяет долю счастья заранее.

Нередко в семантике чешских народных изречений фигурируют такие лексемы, как *vrána, sokol, holub*, репрезентирующие образы птиц. В пословице *mívala vrána krásné kočáry, a nyní ani káry* (были у вороны красивые коляски, а теперь и повозки нет) упоминается о характере вороны, которая склонна к рассеянности, неуклюжести и безынициативности. Человек, наделенный подобными качествами, теряет, то что имеет; упускает свое счастье.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что паремии русского и чешского языков, относящиеся к антиномии «счастье–несчастье», имеют ряд сходств и различий. Как для русского, так и для чешского народов свойственно метафоричное перенесение свойств и явлений окружающего мира на характер и поведение человека. Счастье в рассматриваемых лингвокультурах в силу своей общечеловеческой сущности представляется важным составляющим в жизни людей, целью, к достижению которой стремится каждый. В семантическом плане пословицы и поговорки сравниваемых этносов строятся с употреблением схожих лексем. Например, образ такого домашнего животного, как конь, активно функционирует в создании содержательного компонента паремии. На данном материале можно убедиться, что языки, имеющие общие корни, хранят в своем лексическом фонде следы прошлого единства. Однако в процессе индивидуального развития каждый из них приобретает новые черты, что отражается в языковой системе.

1. Волохина Г.А. Пословицы русского народа : человек и животный мир / Г.А. Волохина, С.А. Гостеева. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2016. –136 с.
2. Грузберг Л. Антиномия [Электронный ресурс] / Л. Грузберг. – Текст: электронный // Филолог.ru: [сайт], 2003. – № 2. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_2 (дата обращения: 28.09.2020).
3. Мокиенко, В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–17.
4. Полежаев Д.В. Менталитет и язык: Особенности феноменологического взаимодействия / Н.Н. Трошина // Известия ВГПУ. – 2009. – №5. – С. 57–62.

5. Сабитова З.К. Новые лингвистические направления XX-XXI вв. / З.К. Сабитова // Философия. – 2011. – №4. – С. 347-360.
6. Трошина Н.Н. Лингвокультурология и антропоцентрическая парадигма [Электронный ресурс] / Н.Н. Трошина // Языковое бытие человека и этноса. – 2011. – № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-i-antropotsentricheskaya-paradigma> (дата обращения: 1.10.2020).
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / сост. А.П. Евгеньева. — РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1999. — 750 с. : ил.

Моргоева Л.Б.

Семантика слова в культурно-историческом контексте

*СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-Алания
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-233

idsp: ljjournal-12-2020-233

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается предметно-логическая связь семантики слова с духовной культурой осетин и ее отражение во временном контексте. На фоне исторического развития этноса и интеграции соседствующих культур отслеживаются процессы семантического наполнения лексических единиц. Результат взаимодействия мифологических и культурных представлений проецируется в языке, что обеспечивает их полную концептуальную сохранность благодаря различным образным сочетаниям и устойчивым выражениям фольклорного происхождения. Вместе с тем, именно этот блок знаков, закрепленных в языке, способствует реконструкции исторических реалий и аккумулирует культурные смыслы. На примере отдельно взятых лексических единиц рассмотрена динамика развития внутренней семантики стилистически не нагруженного слова, которое, благодаря своему логико-предметному содержанию, способно расширять свои коммуникативные возможности внутри контекста.

Ключевые слова: лексика, семантика, осетинский язык, культурный знак, концепт, контекст

Abstract

This article examines the subject-logical connection of the semantics of the word with the spiritual culture of the Ossetians and its reflection in a temporal context. Against the background of the historical development of the ethnos and the integration of neighboring cultures, the processes of semantic filling of lexical units are monitored. The result of the interaction of mythological and cultural representations is projected in the language, which ensures their complete conceptual preservation due to various figurative combinations and stable expressions of folklore origin. At the same time, it is this block of signs fixed in the language that contributes to the reconstruction of historical realities and accumulates cultural meanings. On the example of individual lexical units, the dynamics of the development of the internal semantics of a stylistically unloaded word, which, due to its logical-objective content, is able to expand its communicative capabilities within the context, is considered.

Keywords: vocabulary, semantics, Ossetian language, cultural sign, concept, context

Пояс, как атрибут современной одежды, предназначен для создания образа и красоты. Имущественная дифференциация с ранних времен наложила определенный отпечаток на костюм, который стал первым материальным, а затем и социальным признаком представителя этноса.

Однако в древности пояс имел несколько иное значение и являлся символом силы, власти, готовности к действию. Для хозяина рон / «пояс» служил не только для подвязывания одежды, но использовался в качестве оберега и носился для защиты тела.